

УДК 82-312.4:821.111

**ДЕТЕКТИВЫ АГАТЫ КРИСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ**

Богатырев А.В.

Рассматривая литературную деятельность Агаты Кристи, автор статьи особое внимание обращает на недостаточно исследованные романы писательницы «Слоны умеют помнить» и «Занавес», первый из которых заслужил не вполне справедливые отзывы критиков. Приводятся доказательства возможной связи отдельных сюжетов Кристи с «Дракулой» Брэма Стокера. Изучается символика образа Эркюля Пуаро, углубляются представления об определенных гранях его характера и месте во «вселенной» Кристи. Ее детективные головоломки – своеобразный шифр, они построены на приемах подмены и повторения. Отмечаются новые примеры, демонстрирующие отношение творчества Кристи к Шекспиру и сочинениям Артура Конана Дойла о Шерлоке Холмсе. Исторический элемент присутствует у Кристи не только явно в виде исторических событий и пр., но и в скрытой форме, проникнув в более глубокие слои ее творчества.

Ключевые слова: английская литература, детектив, Агата Кристи, Эркюль Пуаро, «Убийство Роджера Экройда», «Слоны умеют помнить», «Занавес», жизнь и смерть, сюжетные влияния.

**AGATHA CHRISTIE'S CRIME WRITINGS:
SOME QUESTIONS**

Bogatyrev A.V.

Considering the literary works by Agatha Christie the author of the paper pays special attention to the writer's insufficiently researched novels – “Elephants can remember” and “Curtain”, the former of which earned not entirely fair assessment from critics. There is evidence of possible connection between some Christie's novels and Bram Stoker's “Dracula”. The article studies the symbolism of Hercule Poirot image, and ideas about certain faces of his character and place in the “universe” of

Agatha Christie are deepened. Her detective riddles are a kind of cipher, they are built on the techniques of substitution and repetition. New examples are noted, demonstrating Christie's attitude to Shakespeare and Arthur Conan Doyle (Sherlock Holmes cycle). The historical element in the books by Agatha Christie is present not only explicitly in the form of historical events, etc., but also in a hidden form, penetrating into the deeper layers of her work.

Keywords: English literature, crime fiction, Agatha Christie, Hercule Poirot, "The murder of Roger Ackroyd", "Elephants can remember", "Curtain", life and death, plot influences.

Читая детективные произведения Агаты Кристи (Agatha Mary Clarissa Miller, 1890-1976), отмечаешь ряд любопытных деталей, немного по-иному показывающих ее писательское мастерство. Обращение к специальной литературе не проясняет некоторые интересующие нас вопросы, что побуждает рассмотреть специфику ее художественного мышления более подробно. Имеющиеся на сегодняшний день исследования о детективном жанре в целом и произведениям Агаты Кристи, в частности (мы не в состоянии привести здесь все отечественные и зарубежные труды, поэтому укажем на них лишь выборочно [11; 14; 15; 16; 17; 29; 35]), по понятным причинам, не могут исчерпывающе осветить проблемы поэтики писательницы. Остановимся на тех, которые нам представляются наиболее актуальными.

Одним из нерассмотренных вопросов является использование А. Кристи «ребусной» системы в создании художественных образов. Например, в произведении «Зернышки в кармане» под видом черных птиц зашифровано название прииска, в «Отпечатках пальцев Святого Петра» фразой «выпила рыба» маскируется название медицинского препарата. Похожий способ передачи информации используется в романе «Большая четверка [3, с. 117-118]. Все это наводит на мысль об игре, игровые приемы мы наблюдаем у Кристи довольно часто. В «Десяти негритятах» убийца, точно в шахматной партии, убирает фигурки, символизирующие его жертвы. Шахматный поединок

человека с дьяволом или Смертью широко известен в культуре. В сочинении, помеченном как баллада «Танец смерти» сказано: «A player at chess // For Death hath been a checker – man» («Игрок в шахматы // Для Смерти был пешкой») [24, р. 155]. А вот в «Большой четверке» злой гений-китаец составляет с сообщниками криминальную четверку: в китайской игре маджонг, известной на Западе и, разумеется, самой Кристи, играют именно четыре игрока.

Говоря о творчестве А. Кристи, нельзя проигнорировать вопрос о влиянии, оказанном на нее иными авторами. Изучение этой проблемы имеет давнюю историю. Так, тему литературных параллелей на примере произведений романистки затронул в своем исследовании аллюзий Алан Паско [26, р. 9-10]. Обращались к ним (в связи с детективами А. Кристи) Эрл Барганье [14, р. 167-169, 172, 184, etc.], а из современных авторов – Ребекка Миллс [22, р. 64]. Перечисленные литературоведы дают ответы на многие вопросы, объясняют, какие писатели и на каких уровнях художественного текста оказали влияние на творчество А. Кристи, насколько осознанным, подтвержденным архивными документами, было это влияние и как в итоге оно определило специфику детективного жанра, оставленного писательницей. В связи с этим мы воздержимся от пересказа общих моментов и общеизвестных сентенций, сконцентрировавшись на тех нюансах, которые, на наш взгляд, оказались упущены исследователями.

Если говорить о литературном наследии прошлых эпох, часто появляются в творениях А. Кристи строки из Уильяма Шекспира. «Что значит имя?» (пер. Б. Пастернака) – вопрошает в «Ромео и Джульетте» великий драматург. След Шекспира в творчестве леди Агаты не является чем-то новым, неизведанным, эта страница ее литературной биографии подробно разбиралась учеными [20, р. 8, 10-11, 14-15, etc.]. Мы же обмолвимся лишь о нескольких нюансах, пока практически не рассмотренных.

Подлинно шекспировским вопросом об имени часто задавалась и Кристи, включавшая манипуляции с именем в свои детективные произведения. «Большая четверка» демонстрирует рождение нового персонажа: капитан

Артур Гастингс, соратник бельгийского сыщика Эркюля Пуаро, искажает произнесенное важным свидетелем слово, выдавая его часть за женское имя «Зия» [3, с. 172]. Зия появится в вышедшем вслед за «Четверкой» романе «Тайна "Голубого поезда"» [9, с. 13, 14]. Продолжая шекспировскую тему в творчестве А. Кристи, обратим внимание на удивительное сходство отдельных черт «нагробного» портрета Шекспира, размещенного в Церкви Святой Троицы в Стратфорде-на-Эйвоне, с внешностью Пуаро: яйцеобразная голова, полноватое лицо, и (если убрать бородку) изысканно подкрученные вверх усы [31]. Итак, влияние драматурга не сводится у романистки лишь к аллюзиям [20, р. 10], оно более глубокое.

Но и помимо Шекспира отпечаток прошлого в целом довольно ярко просматривается в работах писательницы. Например, весьма «старомоден» принцип, положенный в основу романа «Десять негрятят», когда один за другим в страшной неумолимой последовательности гибнут герои. Как отмечает новеллистка и исследователь культуры Нэнси Килпатрик, в идее череды смертей *one by one* много викторианского [2, с. 162]. И, по сути, читатель творений Кристи сталкивается не с романами новейшей индустриальной поры, но с ужасами викторианской эпохи, более того, сочинениями, близкими по духу елизаветинской драме. Повторяя и тасуя эпохи и сюжеты, Кристи напоминает нам философские мысли Ницше о повторяемости всего [13, с. 353].

Относительно «повторяемости», обратимся к еще одному свидетелю прошлого – роману Брэма Стокера «Дракула». В нем есть любопытный эпизод: Мина Харкер слышит из-за двери голос и думает, что стала свидетелем разговора. На самом же деле доктор Сьюард надиктовывал на фонограф свои записи: «Приведя себя в порядок, я спустилась в кабинет доктора Сьюарда. У дверей я на минуту остановилась, так как мне показалось, что он с кем-то разговаривает... Я постучалась и после его приглашения вошла.

К моему величайшему изумлению у него никого не было. Он был совершенно один, а перед ним на столе стояла машина, в которой я... узнала

фонограф...

– Надеюсь, что не задержала вас, – сказала я, – но я остановилась у дверей, услышав, что вы разговариваете: я думала, вы не один.

– О, – ответил он, улыбнувшись, – я только заносил записи в свой дневник.

– Дневник? – переспросила я удивленно.

– Да, – ответил он. – Я храню его здесь.

Говоря это, он положил руку на фонограф» [12, с. 229].

Рассматриваемый эпизод крайне близок к рассказу Артура Конана Дойла «Лакированная шкатулка» – влияние создателя Шерлока Холмса на творения писательницы, к которому мы еще обратимся, давно зафиксировано [15, р. 203], рассмотрены причины, механизмы и границы этого «воздействия», нам же остается лишь добавить к общей картине отдельные штрихи. Также приходит на ум соответствующая сцена из романа А. Кристи «Убийство Роджера Экройда», в котором как раз на подобной подстроенной убийцей иллюзии и зиждется добрая половина интриги:

«– Мистер Экройд был, несомненно, жив в половине десятого, – сказал Реймонд. – Я слышал, как он с кем-то разговаривал здесь.

– С кем?

– Этого я не знаю... Я хотел было поговорить с мистером Экройдом о бумагах... но, услышав голоса... ушел...» [10, с. 55].

Неявное дыхание «Дракулы» можно различить в «Десяти негритях». Безусловно, это совершенно разные произведения, отдельные совпадения могут ни о чем и не говорить, однако определенные параллели имеют место. Итак, Стокер передает историю капитана судна, изолированного от сношений с внешним миром места (как и остров в «Негритях»), где начинают происходить страшные события [12, с. 89-94]. Подозревается, что поблизости спрятался неизвестный, все жуткие происшествия – его рук дело [12, с. 90] (подобная догадка высказывалась и в «Негритях»). Приведенный писателем судовой журнал (эквивалент записки судьи Уоргрейва) фиксирует страх,

отчаяние героев, исчезающих с лица земли один за другим [12, с. 93] – неумолимо, без права спасения. Влияние «Дракулы» на «Десять негрят» А. Кристи нельзя полностью исключать, учитывая известность произведения, созданный им резонанс.

Продолжая наблюдение над литературными влияниями на творчество А. Кристи, укажем на произведение «Убийство в Хантерс Лодж», в котором обнаруживаются фабульные соответствия с рассказом Конана Дойла «Шерлок Холмс при смерти». Как и Холмс, сыщик Пуаро практически оказывается на смертном одре. А в романе «В 4.50 из Паддингтона» убийца прячет тело своей бывшей жены среди отжившего свое антиквариата – в старинном гробу. Решая, где спрятать труп, писательница вполне логично выбирает гробницу, гроб, саркофаг. Конан Дойл «укладывал» в гроб не мертвецов, а живых людей – в рассказах «Иудейский наперсник» и «Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс».

Рассуждая об источнике идей для Кристи, требуется учитывать историческую подоплеку, что делается далеко не всегда. В «Смерти на Ниле» убийство и расследование происходят на пароходе «Карнак» [8, с. 251, 267], Пуаро, открывая правду, побеждает зло. Исторический Карнак известен своим храмом, посвященным древнеегипетскому богу Амону Ра, который одерживает верх над тьмой в облике змея Апопа. Что касается Англии, то в ее анналах и летописях других стран найдется достаточно рассказов о подмене монарха (сплетни вокруг Эдуарда II, авантюристы в эпоху правления Генриха VII, события после смерти французского короля Людовика X). Кристи не единожды использовала мотив самозванцев: «Загадка "Эндхауза"», «Берег удачи», «Объявлено убийство», «Третья девушка» и пр.

Интересно, что в «Занавесе» присутствует имя Литчфилд [4, с. 25-26], которым назван старый тиран, державший дочерей в черном теле. Как уже было сказано, Кристи обращалась к Шекспиру, рядом с родным городом которого находится аббатство Ившем. Им в XVI в. управлял аббат Климент Личфилд [19, р. 77, 162, 176]. Данное совпадение имен является фонетически неполным, но его нельзя назвать случайным, ибо непосредственно в самом

романе явственно проступает шекспировский след – один из «ключей» к пониманию всего сюжета, сути происходящего в произведении. Рассказывая о личности убийцы («Икса»), Пуаро объясняет: «И вот здесь можно обратиться к первому "ключу", который я оставил вам. Пьеса "Отелло", потому что в ней мы сталкиваемся с прообразом Икса...» [4, с. 229].

Далее, вновь вернемся к «Убийству Роджера Экройда» и вспомним доктора Джеймса Шеппарда. Изучающим культуру Великобритании знакомо имя другого Шеппарда – Джека Шеппарда (1701-1724), отметившегося в истории Англии преступника, как и коварный доктор у Кристи, одно время успешно избегавшего наказания. Его прозвищем было «Honest» – честный, прямой, открытый. Как мы помним, доктор Шеппард не раз указывал на свои «честность» и «откровенность»: «ни слова лжи – вы видите» [10, с. 3, 4, 267, 284]. Джек Шеппард был вором, кражу совершил и доктор Шеппард, избавившись от компрометирующего письма [10, с. 62]. На сходство Джеймса Шеппарда с Джеком Шеппардом указывает и тот факт, что последний, как и герой романистки, оставил пространные автобиографические заметки («Narrative»), в которых рассказывал о своих «подвигах» на криминальном поприще [33, р. 264].

Джек Шеппард получил широчайшую известность в Великобритании, был популярен как персонаж на театральной сцене, с которой А. Кристи была знакома с детства, его биография раскрыта в различных постановках [23, р. 111, 112]. В 1923 г. вышел фильм «Jack Sheppard», а в 1926 г. Кристи публикует «Роджера Экройда», меняя имя «Jack» на «James». Хотя в специальной литературе истории о Джеке Шеппарде указаны в числе детективных сюжетов [28, р. 77], однако аргументы в пользу связи с романом Кристи проигнорированы: Мэтью Бансон и Джеймс Зембой [17, р. 103-104; 35, р. 41, 42, 43, etc.] об этом ничего не сообщают.

«Убийство Роджера Экройда» – один из самых известных детективов Агаты Кристи с Пуаро в главной роли. Понаблюдаем за мсье Эркюлем и другим гением сыска мистером Холмсом. Холмс – безусловный аристократ,

джентльмен до мозга костей. Он не допустит оскорбления дамы, не нарушит строгий викторианский этикет. Бельгиец, напротив, нередко опускает условности, когда на кону расследование сложного дела [1, с. 174]. Он выглядит социально более низким, чем Холмс, но в этом его сила. В Пуаро, точно в зеркале, отразились изменения в менталитете, мышлении, культуре тогдашнего индивида: другие времена. Кристи сделала главного героя буржуа – и не прогадала. Буржуазный детектив пришелся по душе правящему классу, магнатам-буржуа, в определенной степени способствовавшим росту популярности бельгийского коротышки: крупный капитал помогал «капитализировать» труд писательницы.

В Пуаро немало противоречивого. С одной стороны, он любит сладкое (шоколад, сладкие ликеры), и сам похож на изображение с подарочной коробки конфет, приторный и слащавый. Вместе с тем в нем уживается и любовь к горечи – горьким травяным чаям, отварам [1, с. 223-224, 272]. Его принимают за француза, он и сам в некоторых историях «отдает» французской ноткой («Раз, два – пряжку застегни») [7, с. 149-150]. Но дело в том, что за Пуаро не числится часто приписываемый французской нации «грех»: его ни разу не заметили ни в одной подлинно любовной интрижке. Обмолвиться об этом аспекте «имиджа» сыщика представляется необходимым – отождествление бельгийского детектива с французом стало «визитной карточкой» персонажа, на этом построены многие комические сценки в книгах А. Кристи [16, р. 84].

В облике детектива и вокруг него много цветов [1, с. 259]. Цветы напоминают о его профессии – расследовании убийств, таинственных смертей. Хрупкость цветочных бутонов, их недолговечность символизирует хрупкость и уязвимость жизни. В рассказах «Что растет в твоём саду?» и «Пленение Цербера» сыщик хлопочет над цветами, которые окружают его, словно похоронных дел мастера. Но цветы также и символ красоты, искусства. Пуаро спорит с мистером Шайтаной в рассказе «Карты на стол» о том, может ли преступление считаться искусством [5, с. 11-12]. Прочтение рассказов о бельгийце убеждает: черты искусства приобретает само расследование,

разоблачение преступника.

Так, финальные «выступления» Пуаро, во время которых он объясняет публике, что привело его к установлению истины, являются собой примеры ораторского искусства, которое в «Тайне "Голубого поезда"» прямо названо «красноречием» [9, с. 186]. Действия детектива в рассказе «Пояс Ипполиты» напоминают художественный перформанс, завораживающий наблюдателя акт, в процессе которого исчезнувшая картина постепенно проступает под ловкими пальцами сыщика. В романе «Кошка среди голубей» бельгиец просит художницу нарисовать подозреваемых, в конечном счете, используя эти наброски для изобличения злодейки [3, с. 561–562].

Изучение образа бельгийского сыщика невольно возвращает нас к Стокеру. Пуаро выражается и ведет себя, как знаменитый доктор Ван Хелсинг, расследовавший необъяснимое в «Дракуле». На замечание о том, что так нельзя поступать с леди, Ван Хелсинг отвечает: он как врач должен иметь полную картину, для этого нужно отринуть некоторые стандарты морали [12, с. 193, 195, 203, 209-212, 214-217, 292, etc.]. Пуаро беззастенчиво отбрасывает мораль, входя в следовательский раж, к примеру, роется в женском нижнем белье, чем вызывает возмущение благовоспитанного капитана Гастингса в «Загадке "Эндхауза"». Ван Хелсинг полагается на Бога и Его дела, в речах Пуаро много раз присутствует ссылка на Всевышнего [7, с. 141, 142 и др.].

Как попытка достойно завершить эпопею о Пуаро замыслился роман «Занавес» [16, р. 177] (1975 г.), написание которого, как общеизвестно, относится к более раннему времени. Сложно сказать, подходит ли под определение «достойного завершения» трагическое самоубийство сыщика в романе. Хотя о «Занавесе» существует отдельное исследование [21], мы, однако, попробуем немного по-новому расставить некоторые акценты. В отличие от Конана Дойла, который не решился во второй раз покончить с Холмсом в «Его прощальном поклоне», Кристи все-таки «убила» своего сыщика в «Занавесе». Тут, как и в «Большой четверке» [3, с. 157, 158], наличествует гроб, описаны похороны Пуаро – все, что говорит о его

«подлинной» кончине. Между тем в «Четверке» сыщик вдруг оживает.

«Воскрешение» Пуаро невольно наводит на мысль, что, возможно, «смерть» детектива в «Занавесе» – это отнюдь не занавес, ведь опускаясь, он готовится подняться вновь для нового представления. «Восставший из мертвых» бельгиец олицетворяет собой основную философскую идею, отраженную в деятельности сыщика. Осуществляя расследование, он ведет борьбу со смертью: одолевая душегубов, он провозглашает победу жизни. Появление мсье Эркюля отвращает гибель от многих, как это происходит в рассказах «Осиное гнездо», «Тайна Маркет-Бэйзинга», «Убийство в Извозничьем дворе», а в «Желтом ирисе» детектив своей «инсценировкой» словно «возвращает» героиню из царстве мертвых.

«Занавес» же возвращает героев и читателя в начало – в поместье Стайлз, где и проходило первое расследование сыщика. Так зримо воплотилась коренная мысль Кристи о возвращении, повторении пройденного. Она органически связана с самим жанром серийного детектива, так или иначе подразумевающим «повторение»: героев, обстановки, ситуаций. При этом мы сталкиваемся с удивительной амнезией – в «Занавесе» нет упоминаний о многих соратниках Пуаро, забыта его старинная знакомая (миссис Ариадна Оливер). Есть лишь бельгиец и капитан Гастингс – можно сказать, тет-а-тет. Создается впечатление обратного путешествия во времени, санации сюжетного пространства. Отброшено все, теперь Пуаро вернулся к началу, обретя в нем свой конец – намек на известную историческую цитату из «Ночной тьмы»: «в моем конце мое начало» [6, с. 7].

Много лет на примере Пуаро Кристи вдохновляла людей старшего поколения: жизнь только начинается, ведь и для пожилого сыщика пребывание в Англии на склоне лет стало лишь дебютом карьеры. Говоря о возрасте детектива, отметим такую деталь: сериал «Пуаро Агаты Кристи», являющийся общепризнанным эталонным образцом для экранизаций написанного романисткой, просуществовал двадцать четыре года – необычное

обстоятельство, ведь эта цифра не раз появляется в историях писательницы, в том числе о Пуаро.

Пуаро «старился» «неравномерно», а вот в творчестве самой леди Агаты время оставило более заметный отпечаток. Позднее ее произведение «Слоны умеют помнить» («Слоны помнят», 1972 г.) всерьез ополчило часть критиков против писательницы – она «теряет хватку» [30, р. 132]. Парируя, следует признать уникальность «Слонов» – единственного творения писательницы, в котором показана рутина знакомых Кристи не понаслышке литературных вечеров [7, с. 193-205]. Здесь мы знакомимся с некоторыми доселе скрытыми от нас взглядами Пуаро на отдельные стороны мироустройства [7, с. 213-214]. Но роман затянут, сюжет «виснет». В «Слонах» немало «воды», лишнего нарратива, потока сознания, словно автор старалась любыми путями увеличить объем «конечного продукта». Очевидны обращения к ранним сюжетам: убийство и самоубийство героев наводят на мысли об эпилоге «Смерти на Ниле» [8, с. 417].

Изумительна остроумная мысль, которую леди Агата вынесла в заголовок романа. Устами вновь помогающей Пуаро миссис Оливер Кристи уподобила свидетелей «слонам» – они ничего не забывают. В связи с этим в романе вспоминается сказка о слоне, которому портной воткнул в хобот иголку. Слон запомнил обидчика и в следующий раз окатил его водой [7, с. 217]. История о слоне и портном хорошо известна, однако происхождение ее остается не совсем ясным. На самом деле это не сказка, а, скорее, анекдот. Наиболее ранняя из обнаруженных его версий значится у шотландского автора Джона Пинкертон (1758-1826) [27, р. 445-446]. Согласно ему, происшествие рассматривается как реальное, оно случилось в 1692 г. Байка встречается в периодике и книгах на английском языке на протяжении почти всего XIX столетия. Злопамятные люди-слоны описаны Кристи не впервые, их наблюдаем в «Десяти негритятах», «Убийстве на Рождество» и др.

Используя известное выражение о слонах, которые ничего не забывают, А. Кристи строит «здание» романа. Это словосочетание выступает

повторяющимся мотивом, выполняет роль «армирующей конструкции», задает всему тон [7, с. 279]. Перелистывая страницы романа, мы можем воочию понаблюдать, как зарождается «слоновая линия». Завтракая перед своим выступлением на собрании книжного клуба, миссис Оливер испытывает неудобство при употреблении пищи, неподходящей для ее вставных челюстей, сделанных из пластмассы. Она размышляет: кость животных, в частности слоновая, гораздо прочнее искусственных материалов.

В дальнейшем «слоновая ассоциация» закрепляется в сознании Оливер, когда она видит длинные белые зубы госпожи Бернтон-Кокс, похожие на слоновьи бивни – характерная черта данного зверя, подмеченная Кристи еще в рассказе «Трагедия в Марсдон-Мэнор» [7, с. 395]. Таким образом, «слоновый элемент» формируется благодаря внешним характеристикам, напоминающим об этих животных (в отличие от сюжетно близкого к произведению «Слоны умеют помнить» романа «Пять поросят», в котором свидетели были уподоблены «поросятам» из детской считалки не из-за своей внешности, а по другим причинам). И только потом, за обсуждением темы давно произошедшей трагедии, вспоминается ментальная особенность слонов – их хорошая память, которая, однако, не безупречна [7, с. 196, 200, 216-219, 293].

Повествование о слонах не так и уникально. Здесь мы должны обратиться к другим авторам, которые двигались в общей с А. Кристи колонне, дабы показать «литературный фон», на котором возникло произведение романистки. Как мы уже отмечали выше, охватить в одной работе всех авторов, повлиявших на леди Агату, не представляется возможным, поэтому ограничимся лишь литературной предысторией «слонового мотива». Итак, в 1937 г. в свет вышел детектив-бестселлер писательницы Этель Линой Уайт (1876-1944) «Слон никогда не забывает». Сюжетная коллизия, правда, не имела прямого отношения к роману Кристи и вращалась вокруг шпионских дел. Однако, как и леди Агата, Этель Уайт назвала «слоном» человека с хорошей памятью. В 1939 г. Роберт Блох (ставший впоследствии известным по «Психо» Альфреда Хичкока) опубликовал рассказ «Смерть – это слон». Но, в отличие от зловещего

образа слона у Блоха, романистка, уподобляя свидетелей этим гигантам, больше показывает иную их сторону, способную принести добро.

Какое-то влияние на выбор темы могла оказать неблагоприятная ситуация с популяцией слонов в их естественной среде обитания, вызвавшая обеспокоенность мирового сообщества. В 1972 г. это заставило принять важнейший Закон о защите дикой природы [18, р. 25]. Рассматривая роман с точки зрения проблем живой природы, мы опираемся не на домыслы, а отталкиваемся от идей, отраженных в произведениях Кристи. Например, в «Тайне "Голубого поезда"» Пуаро подчеркивает важность «экологического» компонента в деятельности детектива, указывая, что люди могут многому научиться, наблюдая за животными [9, с. 154]. Что касается сокращения численности хоботных в Африке, в произведении «Слоны умеют помнить» показано, насколько трудно найти «слонов», упомянут Африканский континент, говорится о сафари, а появляющаяся в романе секретарша миссис Оливер наделена фамилией, заставляющей вспомнить знаменитого исследователя африканских просторов Давида Ливингстона [7, с. 220, 280].

Весьма экстравагантными кажутся рассуждения миссис Оливер, ассистирующей Пуаро, о том, что собаки имеют зубы из слоновой кости [7, с. 200]. Возможно, здесь сказалось участие Кристи в раскопках, ее всем известное увлечение археологией – некоторые зооморфные артефакты имели зубы из слоновой кости. Однако представление о «слоновых» зубах псовых ранее было вполне обычным явлением, оно характерно для второй половины XIX в. [25, р. 714; 32, р. 123].

К «Слонам» с хорошей памятью можно отнести бойкую пожилую леди Джейн Марпл, героиню многих историй Кристи. Они с Пуаро не соединялись ни в одном романе, но их встреча все-таки состоялась благодаря пересечениям сюжетов и некоторых их элементов. В нескольких произведениях мисс Марпл, как и Пуаро, осуществляла расследование в курортных декорациях: «Тело в библиотеке», «Карибская тайна» и пр. Детектив-любитель «нетрудоспособный» мистер Рэфизэл в «Тайне» мог быть вдохновлен идеей Кристи пересадить Пуаро

в инвалидное кресло в «Занавесе» [4, с. 17, 87]. Особое отношение романистки к мисс Марпл проглядывает в том, что именно «Спящим убийством» с ее участием она завершила свою писательскую карьеру и, можно сказать, подвела черту собственной жизни. Интересно, что слово «спящий» относится и к смерти. Шекспир обозначил сон «подобьем смерти», сон и смерть называл «близнецами» Александр Поуп, сэр Томас Браун и Шелли признавали их родство [34, р. 356].

Произведения Агаты Кристи – шкатулка с двойным дном, в них немало философско-мистического. Сокровенный смысл можно попытаться извлечь, анализируя символы, спрятанные в облике персонажей писательницы, в ее сюжетах, многие из которых до сих пор хранят достаточно неразгаданных тайн. Детектив – игра, поэтому используются игровые приемы, на манер игры выстраивается, «структурируется» литературный шедевр. Получая вдохновение, в том числе из прошлого, в свои творения Кристи вплетала историю, как раннюю, так и недавнюю: прошлое и настоящее суть едины.

Созданный леди Агатой образ Эркюля Пуаро оказался созвучен эпохе, что в определенной мере объясняет его «живучесть». Герои Кристи столь ловко притворяются мертвыми, что вряд ли оказываются таковыми на самом деле. Ведь детектив – это тот, кто своей деятельностью противостоит смерти как человеческому преступлению. Поэтому стремление к победе над смертью заложено в его личности, деятельно противостоящей злу. «Убивая» Пуаро в последнем романе, автор оставляла для почитателей бельгийского сыщика небольшую, но все-таки надежду – надежду на его «воскресение».

Список литературы:

1. Богатырев А.В. Энциклопедия Эркюля Пуаро. М.: Перо, 2021. 282 с.
2. Килпатрик Н. Подвал старого дома // Вампиры: антология. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 157-164.
3. Кристи А. Большая четверка: романы. М.: Центрполиграф, 2002. 604 с.
4. Кристи А. Занавес. СПб.: Амфора, 2001. 255 с.

5. Кристи А. Карты на стол: романы, рассказы. М.: Центрполиграф, 2003. 525 с.
6. Кристи А. Ночная тьма. Кривой домишко: романы. М.: АСТ, 2002. 381, [3] с.
7. Кристи А. Пуаро ведет следствие: романы, рассказы. М.: Центрполиграф, 2003. 587 с.
8. Кристи А. Сборник романов. М.: Рипол Классик, 2003. 768 с.
9. Кристи А. Тайна «Голубого поезда»: романы, рассказы. М.: Центрполиграф, 2003. 495 с.
10. Кристи А. Убийство Роджера Экройда. М.: АСТ, 2001. 288 с.
11. Моисеев П.А. Поэтика детектива. М.: ВШЭ, 2017. 240 с.
12. Стокер Б. Граф Дракула, вампир: романы, рассказы. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2005. 928 с.
13. Стронг Т. Ницше о философии и Ницше сегодня // Фридрих Ницше: наследие и проект. М.: ЯСК, 2017. С. 349–361.
14. Bargainnier E.F. *The Gentle Art of Murder: The Detective Fiction of Agatha Christie*. Bowling Green, Ohio: Popular Press, 1980. 232 p.
15. Barnard R. *A talent to deceive – An appreciation of Agatha Christie*. London: Fontana Books, 1990. 213 p.
16. Bernthal J. C. *The ageless Agatha Christie: Essays on the mysteries and legacy*. Jefferson NC: McFarland, 2016. 192 p.
17. Bunson M. *The complete Christie: An Agatha Christie encyclopedia*. New York: Pocket Books, 2000. 455 p.
18. Fowler M.E., Mikota S.K. *Biology, medicine, and surgery of elephants*. Oxford: Blackwell Publ., 2006. 586 p.
19. Heale M. *The abbots and priors of Late Medieval and Reformation England*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 452 p.
20. Hopkins L. *Shakespearean allusion in crime fiction*. London: Palgrave Macmillan, 2016. 204 p.

21. Maier Ch. Analysis of Agatha Christie's curtain: Poirot's last case. München: GRIN Verlag, 2015. 17 p.
22. Mills R. The middlebrow woman detective author // *The Bloomsbury Handbook to Agatha Christie*. London: Bloomsbury Academic, 2023. P. 47-66.
23. Moody J. Illegitimate theatre in London, 1770-1840. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 296 p.
24. Nares R. A Glossary: Or collections of words, phrases, names and allusions to customs, proverbs, etc. London: John Russell Smith, 1859. Vol. I. 492 p.
25. Odd Stories: Snifkin // *The Catholic World*. New York: The Catholic Publication House, 1874. Vol. XIX. P. 714-717.
26. Pasco A.H. Allusion: A literary graft. Charlottesville: Rookwood Press, 2002. 247 p.
27. Pinkerton J. A general collection of the best and most interesting voyages and travels. London: Longman, Hurst, Rees, etc., 1811. Vol. VIII. 776 p.
28. Priestman M. Crime fiction: from Poe to present. Melbourne: Northcote House, 1998. 80 p.
29. Rolls A. Agatha Christie and new directions in reading detective fiction: Narratology and detective criticism. Abington; New York: Routledge, 2022. 190 p.
30. Sagne L. The Cambridge guide to women's writing in English. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 714 p.
31. Shakespeare's burial monument and grave [Электронный ресурс] // Shakespeare Documented [сайт]. 03.02.2020. URL: <https://goo.su/fsmF> (дата обращения: 08.03.2024).
32. Simmonds P.L. Natural-art materials // *The Art-Journal*. London: Virtue and Co, 1874. Vol. XIII. P. 121-124.
33. *The Cambridge companion to twentieth-century literature and politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 363 p.
34. Woolever A. Treasury wisdom, wit and humor, odd comparisons and proverbs. Fourth ed. Philadelphia: E. Claxton and Co, 1881. 527 p.

35. Zemboy J. The detective novels of Agatha Christie: A reader's guide. Jefferson NC: McFarland, 2016. 441 p.

Сведения об авторе:

Богатырев Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Тольятти, Россия).

Data about the author:

Bogatyrev Arseniy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher (Togliatti, Russia).

E-mail: sob1676@yandex.ru.